

УДК-323.11

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-111-121

«ВОПРОС О ЯЗЫКЕ» В ПУБЛИЧНОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Петр Панов

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Аннотация

В полиэтнических обществах «вопрос о языке» является предметом острых дискуссий. В статье ставится задача определить, в какой мере публичная и институциональная повестки по «вопросу о языке» этнических меньшинств в регионах Российской Федерации совпадают, а в какой расходятся, и чем это объясняется. Исследование, выполненное на основе базы данных «Языковая политика в полиэтнических регионах РФ» с использованием регрессионного анализа, подтверждает теоретическое предположение о том, что взаимосвязь «вопроса о языке» меньшинств в публичной и институциональной повестках объясняется тем, что они оказывают влияние друг на друга. Кроме того, обе повестки формируются под сильным воздействием одних и тех же факторов, а именно демографических. Более высокая численность этнического меньшинства, а также его доли в составе населения позитивно влияет на присутствие «вопроса о языке» этого меньшинства как в публичной, так и в институциональной повестках. Вместе с тем, между публичной и институциональной повестками наблюдается достаточно серьезное расхождение. Основная причина этого связана с таким фактором, как статус языка этнических меньшинств. Наличие у языка государственного статуса оказывает сильное влияние на его присутствие в институциональной повестке, тогда как для публики статус языка не имеет существенного значения.

Ключевые слова: язык; этничность; меньшинства; языковая политика; публичная повестка; институциональная повестка.

Диалектика целого и частного, неизбежно возникающая в полиэтнических обществах, потенциально содержит конфликт между носителями разных культур и языков, поскольку возникает вопрос, на каком языке они могут / должны вступать в коммуникацию. Публичная жизнь, по словам Р. Брубейкера, не может быть алингвальной (Brubaker, 2013: 5–6). Соответственно, «вопрос о языке» приобретает публичное значение. При этом форматы языковых коммуникаций могут быть самые разнообразные. Где-то люди свободно владеют сразу несколькими языками (мультилингвизм) и используют тот или иной в зависимости от контрагента. В других случаях наблюдается доминирование языка, преобладающего в социуме, и так далее. Так или иначе, даже если не брать пока в расчет вмешательство неких «третьих сил», в социуме спонтанно складываются относительно устойчивые практики языковых коммуникаций – языковые режимы (Борисова, 2017: 33). Следует, однако, учитывать, что, как минимум потенциально, такие практики всегда оспариваемы. Как справедливо замечает В.А. Тишков, «язык – это власть» (Тишков, 2019: 128), даже если речь идет не о внешней власти, а о власти спонтанно сложившихся социальных практик. Оспаривание сложившегося языкового режима может порождать напряженность, а порой и острые конфликты, в результате «вопрос о языке» имеет не просто публичное значение, а становится публичной проблемой, оказываясь тем самым в публичной повестке (Cobb & Elder, 1972).

В действительности, разумеется, ситуация намного сложнее, потому что относительная целостность общества в современном мире обеспечивается наличием некоего центра власти – государства, которое в условиях полиэтничности не может занимать нейтральную позицию в отношении языка, хотя бы потому, что язык является важнейшим инструментом строительства наций и поддержания национального единства (Мухарямов & Мухарямова, 2017). Кроме того, государство должно так или иначе реагировать на ситуации, когда сложившиеся практики языковых коммуникаций подвергаются оспариванию. Иначе говоря, государство всегда проводит ту или иную языковую политику, под которой понимается система мер, реализуемых государством и направленных на регулирование прак-

тик использования языка(ов) в обществе (Борисова, 2017). Языковая политика может быть проактивной или реактивной, направленной на поддержку языка либо на его ущемление и так далее. Следовательно, «вопрос о языке» присутствует не только в публичной, но и в институциональной повестке – совокупности («перечне») вопросов, которые рассматриваются органами публичной власти как требующие принятия неких решений (Cobb & Elder, 1972).

Представляется очевидным, что публичная и институциональная повестки влияют друг на друга. Государство обычно так или иначе реагирует на то, что «вопрос о языке» оказывается в публичной повестке, особенно если это связано с острым конфликтом. В свою очередь, решения, принимаемые государством в сфере языковой политики, влияют на сложившиеся практики языковых коммуникаций. Поскольку это политические решения, они по определению имеют дистрибутивные последствия, в результате возникают не только бенефициары, но и аутсайдеры. Это трансформирует конфигурацию сил на арене языковых коммуникаций и порождает, если пользоваться классической терминологией Д. Истона, новые «требования и поддержку» (Easton, 1965).

При этом внимание к «вопросу о языке» может существенно варьироваться по отношению к различным языкам как в публичной, так и в институциональной повестках. С одной стороны, языковые группы не одинаково воспринимают «значимость» своего языка, соответственно и их претензии / требования относительно его использования в публичных коммуникациях различны. С другой стороны, поскольку разные языки играют неодинаковую роль в социальных коммуникациях, то и государство оказывает им различное внимание. Наконец, внимание к «вопросу о языке» в публичной повестке совсем не обязательно находит отражение в институциональной. Таким образом, возникает вопрос, в какой мере публичная и институциональная повестки в отношении разных языков совпадают, а в какой они расходятся, и чем объяснить такие расхождения. В данной работе эта проблема исследуется на эмпирическом материале языковых меньшинств в регионах Российской Федерации.

Языки меньшинств в публичной и институциональной повестках: степень совпадения

Присутствие «вопроса о языке» в публичной и институциональной повестках в России определяется тем, что Российская Федерация является одной из самых полиэтнических по составу населения стран мира. Несмотря на то, что русские как «доминирующая» или «государство-образующая» группа (Staatsvolk в терминологии Б. О'Лири (O'Leary, 2001) составляют более 80% населения РФ, в стране насчитывается около 200 других этнолингвистических групп, которые на фоне доминирования русских уместно обозначить термином «этнические меньшинства». Следует подчеркнуть при этом, что этнические меньшинства крайне неравномерно распределены по территории РФ. В целом, доля нерусского населения в составе субъектов РФ варьируется от 2,7% в Вологодской области до 99,2% в Ингушетии, но еще больше различий обнаруживается, если рассматривать вопрос сразу в двух измерениях (кроссэтническом и кроссрегиональном).

Дополнительный колорит проблеме придает и тот факт, что Россия относится к категории «частичных этнофедераций» (Anderson, 2016), поскольку примерно четверть из 85 субъектов РФ (в первую очередь, «национальные республики») по характеру конституирования являются этническими (Панов, 2017). В ряде случаев «титовская группа», будучи меньшинством в общероссийском плане, составляет большинство населения в республике. Кроме того, «частичный этнофедерализм» имеет прямое отношение к языковой политике, поскольку в соответствии со ст. 68 Конституции Российской Федерации, республики «вправе устанавливать свои государственные языки», которые могут употребляться в органах публичной власти наряду с русским как государственным языком РФ».

Все это создает мощный потенциал для вариативности присутствия «вопроса о языках» меньшинств в публичной и институциональной повестках¹. Так, на фоне доминирования русского языка в публичных дискуссиях активно ставится проблема исчезновения языков меньшинств, соответственно, предлагаются меры по сохранению и развитию языков меньшинств, предоставлению им неких преференций. С другой стороны, высказываются опасения, что такие преференции ведут к

¹ Русский язык, разумеется, также присутствует в публичной и институциональной повестках. Хотя подавляющее большинство населения страны владеет русским, и его роль как государственного языка не ставится под сомнение, с точки зрения уровня знания русского языка есть немало дискуссионных вопросов. Присутствие русского языка в повестке, однако, требует специального исследования и остается за рамками этой статьи, фокус которой – языки меньшинств.

дискриминации по языковому принципу, создают трудности в публичных коммуникациях. В институциональной повестке «вопрос о языках» меньшинств занял особенно важное значение в контексте активизации государственной национальной политики. В 2012 г. были приняты Указ Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия», Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в 2013 г. ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», с 2017 г. действует Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». Все это придало мощный импульс включению «вопроса о языках» в институциональную повестку органов власти субъектов РФ. Наиболее полное отражение это получило в том, что, начиная с 2013 г., во всех регионах были приняты различные государственные программы, которые напрямую касаются проблемы языков меньшинств.

Эмпирической основой данного исследования стала База данных «Языковая политика в полиэтнических регионах РФ», созданная коллективом исследователей в рамках реализации проекта РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах»¹. Единицей наблюдения в базе является «регион – этническое меньшинство». В каждом регионе взяты все этнические меньшинства, которые согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. относятся к категории «наиболее многочисленных национальностей» (критерий – не менее 0,3% от числа жителей региона, указавших национальную принадлежность)². Общее количество единиц наблюдения составляет 532.

Поскольку напрямую измерить значимость «вопроса о языке» в публичной повестке достаточно проблематично, в качестве аппроксимации был использован такой показатель, имеющийся в Базе данных, как присутствие языка меньшинства в материалах масс-медиа. Он рассчитывался на основе крупнейшего агрегатора контента СМИ «Интегрум». Поисковый запрос производился в формате «[название этнического меньшинства] язык [название субъекта РФ]» как для федеральных, так и для региональных медиа (пресса, информагентства, интернет-издания, ТВ и радио, агрегаторы новостей, архивы СМИ). В результате для каждого наблюдения было получено количество упоминаний языка меньшинства в масс-медиа в соответствующем регионе в течение года. Учитывая, что в институциональной повестке внимание к «вопросу о языке» существенно возросло с 2013 г., для анализа был выбран 2015 г. К этому времени публичная повестка уже должна была отреагировать на изменения в институциональной, что представляется значимым для корректного исследования их соотношения.

Для целей данного исследования значения показателей по количеству упоминаний языка меньшинства в федеральных и региональных масс-медиа были суммированы, а полученные результаты стандартизированы. Это позволило получить индикатор «МедиаСтанд», который принимает значения от «0» до «1». Максимальное значение «1» (3 390 упоминаний в течение 2015 г.) обнаруживается у татар в Татарстане. Далее идут татары в Челябинской области (2 712 упоминаний и, соответственно, значение индекса «0,8»), украинцы в Москве (1 779 упоминаний и «0,5248») и т.д. Нельзя не отметить, что лишь в 21 случае из 532 значение индекса превышает «0,1», а среднее значение составляет всего «0,0189», то есть в подавляющем большинстве случаев количество упоминаний языка меньшинств в масс-медиа невелико. Однако лишь в 80 наблюдениях «МедиаСтанд» равен «0». Вариативность значений по этому показателю представлена на рис.1, где слева показан бокс-плот для всей выборки, а справа – только для тех случаев, где значение «МедиаСтанд» менее «0,1».

¹ В создании базы данных принимали участие Н.В. Борисова, Э.Ю. Минаева, П.В. Панов, К.А. Сулимов, К.В. Таркашева, Е.Ю. Филиппова.

² Общие результаты переписи на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.05.2019). В региональном разрезе результаты размещены на сайтах региональных подразделений Федеральной службы государственной статистики РФ. Для Крыма и Севастополя использованы аналогичные результаты Переписи 2014 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 18.05.2019).

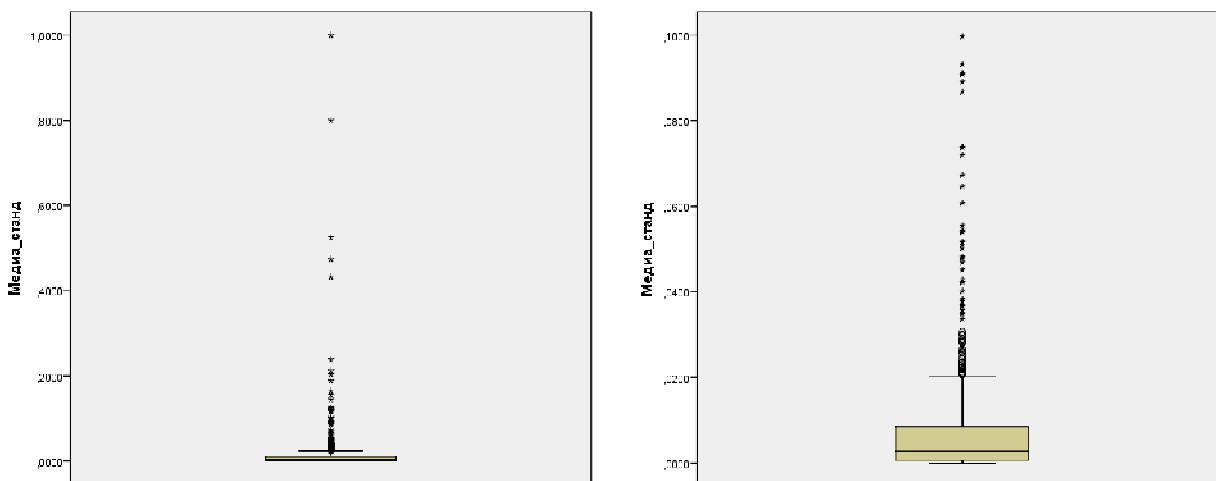

Рис. 1. Распределение наблюдений по индикатору «МедиаСтанд»

Что касается институциональной повестки, для измерения значимости «вопроса о языке» меньшинства в регионе наиболее адекватным источником представляются тексты принятых в регионах после 2013 г. государственных программ, которые касаются проблемы языков меньшинств. Следует, правда, учитывать, что практики разработки и принятия госпрограмм в субъектах РФ сильно различаются, в том числе с точки зрения их структуры. Поэтому в Базу данных были включены переменные, характеризующие контент не только тех программ (или подпрограмм в других программах), которые непосредственно направлены на сохранение, развитие, изучение языков региона, но и государственных программ / подпрограмм субъектов РФ в сфере образования, а также в сфере национальной политики. Контент-анализ госпрограмм по каждой из трех категорий производился дихотомически по нескольким параметрам: упоминание этнической группы, упоминание языка, упоминание языка в мероприятиях. Для данной статьи все эти переменные были агрегированы и стандартизированы в индикатор «ГоспрогСтанд», который принимает значения от «0» до «1». Максимальное значение «1» обнаруживается у осетин в Северной Осетии, второе по величине – у татар в Татарстане и у тувинцев в Тыве. Среднее значение равно «0,0854». В то же время обращает на себя внимание, что значение «0» «ГоспрогСтанд» принимает в 311 наблюдениях из 532. Иначе говоря, более половины этнических меньшинств вообще не упоминаются в государственных программах субъектов РФ. Это значительно больше, чем по «МедиаСтанд», где значение «0» зафиксировано лишь в 80 случаях. Вариативность значений «ГоспрогСтанд» представлена на рис.2, где слева показан бокс-плот для всей выборки, а справа – только для тех случаев, где значение «ГоспрогСтанд» более «0».

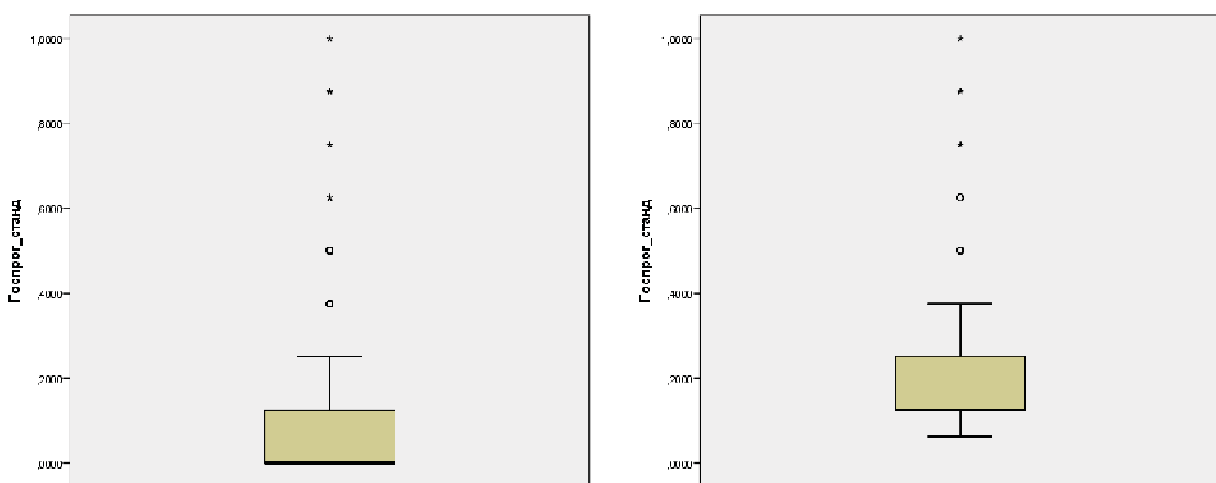

Рис. 2. Распределение наблюдений по индикатору «ГоспрогСтанд»

Несмотря на различия, коэффициент корреляции между «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд» оказывается позитивным, относительно высоким («0,416») и статистически значимым (на уровне

0,01) (см. диаграмму рассеяния на рис. 3). Следовательно, публичная и институциональная повестки связаны между собой, хотя расхождения при этом довольно существенны. Чтобы ответить на вопрос, каковы источники этих расхождений, проанализируем факторы, влияющие на значимость «вопроса о языке» меньшинства в регионе отдельно в публичной и в институциональной повестках.

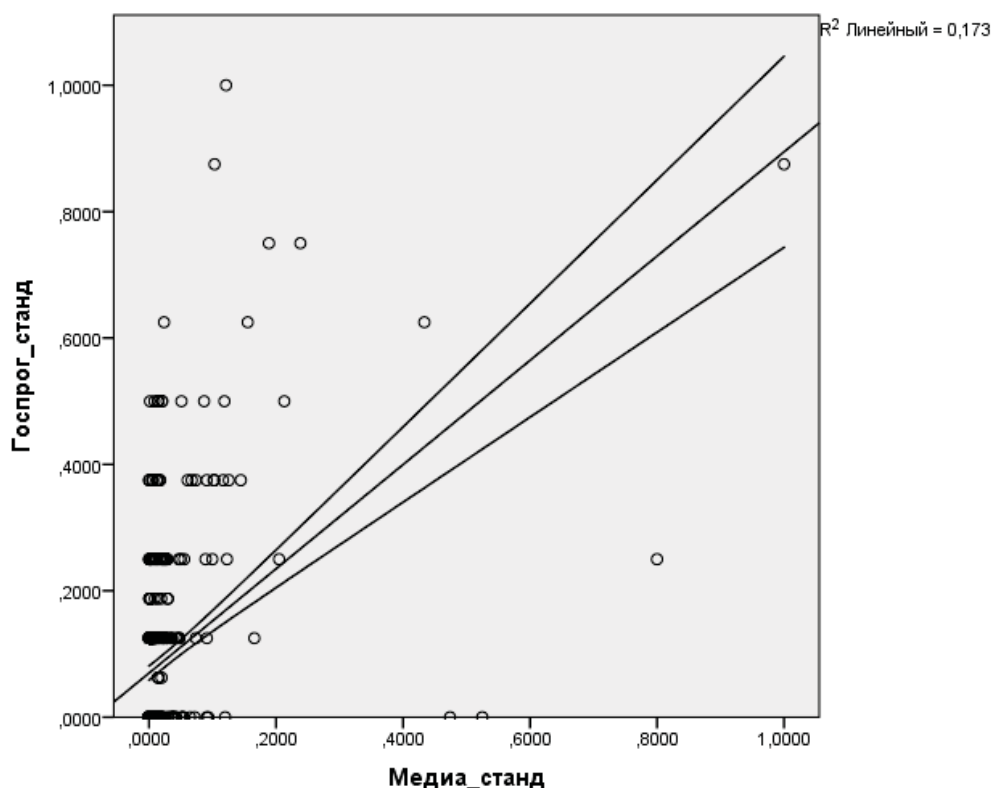

Рис. 3. Диаграмма рассеяния по индикаторам «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд»

Языки меньшинств в публичной и институциональной повестках: источники расхождения

Прежде всего, представляется очевидным, что на значение индикаторов «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд» существенное влияние оказывают такие демографические факторы, как численность этнического меньшинства в абсолютном выражении, а также его доля в населении региона. При расчете значений индикаторов «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд» и их сопоставлении это не учитывалось, поскольку стояла другая задача, но в объяснительную модель эти факторы, разумеется, следует включить в первую очередь, поскольку есть все основания полагать, что более многочисленным, а также более значимым в составе населения региона этническим группам будет уделяться больше внимания как в публичной, так и в институциональной повестках. Данные по численности этнических меньшинств в регионах взяты из итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

Вместе с тем, на наш взгляд, демографические факторы могут воздействовать на присутствие языков меньшинств в повестках не только сами по себе, но и в зависимости от того, как меньшинства локализованы в физическом пространстве региона относительно друг друга, а также русского населения. Одно дело – когда этническое меньшинство проживает «обособленно» от других этнических групп (сегрегированный формат локализации). Как правило, в этом случае его язык активно используется в социальных коммуникациях, по меньшей мере, на бытовом уровне. Совсем иная ситуация возникает в случае, если представители разных этнических групп проживают «смешанно», занимая одну территорию (совпадающий формат локализации). Они постоянно вступают во взаимодействия, и учитывая, что мультилингвизм в России – не слишком широко распространенное явление, коммуникации чаще ведутся на русском языке. Это может приводить к снижению уровня владения родным языком и падению «спроса» на родной язык. Проблема сохранения языка меньшинства в этом случае с большей вероятностью должна оказаться в сфере внимания общественности и органов власти.

Кодировка формата локализации этнических меньшинств в регионах России выполнена Э.Ю. Минаевой (Минаева, 2017) на основе комбинации двух баз данных: Geo-referencing of ethnic groups (GREG) и Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR) (Weidmann, 2010; Wucherpfennig, 2011)¹. Все этнические группы в этих базах имеют географическую привязку, благодаря чему они представляют собой полигональные объекты (полигоны), накладывающиеся разными слоями друг на друга. Используя программу ArcGIS, на эти слои наложим географически привязанные данные по границам субъектов РФ, которые содержатся в базе Global Administrative Areas (GADM). В результате показатель «формат локализации» был закодирован на порядковом уровне и получил значения от «1» до «3». Минимальное значение («1») присваивалось в том случае, если большая часть полигона этнического меньшинства на территории региона совпадает с полигоном этнической группы русских, либо полигон вообще отсутствует в базах (что говорит о том, что этническое меньшинство проживает в регионе дисперсно). Значение «2» - большая часть полигона этнического меньшинства сегрегирована от русских, но совпадает с полигонами других меньшинств. Максимальное значение («3») присваивалось в случаях, наиболее близких к сегрегированному формату локализации (большая часть полигона этнического меньшинства не совпадает с полигонами других этнических групп).

Еще одним фактором, который гипотетически должен оказывать существенное влияние на значимость «вопроса о языке» в публичной и институциональной повестках является статус языка. Как уже отмечалось выше, Конституция РФ позволяет республикам устанавливать свои государственные языки. Этим конституционным правом воспользовались все республики (кроме Карелии). В нескольких республиках государственный статус, наряду с русским, имеют сразу несколько языков. Так, в Кабардино-Балкарии это кабардинский и балкарский, в Крыму – украинский и крымскотатарский. В Карачаево-Черкесии, кроме языка двух «титовых» групп карачаевцев и черкесов, государственным статусом обладают также абазинский и ногайский языки. В Дагестане установлено, что государственными языками являются русский и языки народов Дагестана. Как представляется, при прочих равных условиях особый статус языка должен способствовать усилению внимания к нему со стороны общества и власти. Статус языка закодирован дихотомически: значение «1» присвоено единицам наблюдения, в которых язык этнического меньшинства является государственным, всего таких случаев 37 (в Дагестане все меньшинства закодированы как «1»).

Наконец, мы исходим из того, что публичная и институциональная повестки так или иначе связаны между собой, и это теоретическое предположение подтвердилось эмпирически, поскольку выяснилось, что между повестками достаточно высокая корреляция. Таким образом, в исследование факторов, влияющих на публичную и институциональную повестки, включены несколько переменных: 1) численность меньшинства (логарифмирована); 2) доля меньшинства в составе населения субъекта РФ; 3) формат локализации меньшинства в пространстве региона; 4) статус языка меньшинства; 5) значение индекса «ГоспрогСтанд» для публичной повестки и «МедиаСтанд» – для институциональной.

Анализ проводился методом линейной регрессии. Дополнительно к указанным в регрессионную модель были включены две контрольные переменные, характеризующие специфику этнической структуры региона в целом: доля русского населения и индекс фракционализации, рассчитанный по методике Алезини (Alesina, 2003). Для каждой из двух зависимых переменных (МедиаСтанд и ГоспрогСтанд) было протестировано несколько регрессионных моделей, результаты некоторых из них представлены в таблице.

¹ Обе базы были разработаны на основе созданного еще в 1964 г. советскими этнографами и уникального в своем роде Атласа народов мира, который содержит карты расселения этнических групп. С помощью ГИС-технологий и с некоторыми уточнениями Атлас был трансформирован в современные базы геопривязанных данных GREG и GeoEPR. Локализация этнических групп в базах зафиксирована приблизительно и в значительной мере основывается на историческом расселении этнических групп - так называемые «этнические территории» (Кушнер, 1951: 92–93).

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Публичная повестка (завис.пер - МедиаСтанд)			Институциональная повестка (завис.пер - ГоспрогСтанд)		
	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5	Model 6
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Constant	-0,138*** (0,031)	-0,125*** (0,030)	-0,090** (0,030)	-0,112** (0,055)	-0,061 (0,054)	-0,055 (0,055)
Численность группы (лог)	0,029*** (0,005)	0,025*** (0,005)	0,019*** (0,005)	0,031*** (0,009)	0,021** (0,009)	0,020** (0,009)
Доля группы	0,188*** (0,040)	0,120** (0,042)	0,627*** (0,092)	0,574*** (0,070)	0,505*** (0,070)	0,614*** (0,173)
Формат локализации	-0,004 (0,004)	-0,005 (0,004)	0,003 (0,004)	0,004 (0,004)	0,006 (0,006)	0,007 (0,007)
Статус языка	0,008 (0,017)	-0,002 (0,017)	-0,014 (0,016)	0,080*** (0,030)	0,077*** (0,029)	0,075** (0,029)
Доля русских	0,036 (0,022)	0,031 (0,022)	0,011 (0,021)	0,039 (0,039)	0,026 (0,039)	0,022 (0,039)
Индекс Алезины	0,037 (0,025)	0,033 (0,024)	0,006 (0,024)	0,031 (0,043)	0,017 (0,042)	0,012 (0,043)
ГоспрогСтанд		0,120** (0,024)	0,107*** (0,024)			
МедиаСтанд					0,370*** (0,075)	0,356*** (0,078)
Формат лок x Доля группы			-0,192*** (0,031)			-0,041 (0,059)
Скор. R-square	0,207	0,240	0,290	0,374	0,400	0,400
N	532	532	532	532	532	532
Стат.значимость	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01					

В Модели 1 и 3 были включены все независимые переменные, кроме той, которая характеризует влияние публичной и институциональной повесток друг на друга. Обе модели дали вполне ожидаемый результат: демографические факторы – и численность меньшинства, и его доля в составе населения – являются весьма значимыми предикторами. Контрольные переменные, напротив, обнаруживают статистически незначимые коэффициенты. Чтобы не повторяться, сразу отметим, что аналогичная ситуация сохраняется во всех протестированных моделях. Это позволяет говорить о том, что выявленные эффекты стабильны и полученным результатам можно доверять.

Важный результат получен по вопросу о влиянии статуса языка. Именно по этому фактору обнаруживается самое существенное различие между публичной и институциональной повестками. На институциональную наличие у языка государственного статуса оказывает большое воздействие, значения коэффициентов стабильно высокие и статистически значимые, а если исключить эту переменную из регрессии (эта модель протестирована, но в таблице не представлена), объяснительный эффект модели (значение R-квадрат) снижается. Для публичной повестки статус языка оказывается незначимым предиктором, значения коэффициентов низкие и нестабильные по направленности, а исключение статуса языка из уравнения даже слегка повышает значение R-квадрат.

Этот вывод подтверждается распределением значений индикаторов «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд» в зависимости от значения переменной «Статус языка», представленных в бокс-плотах на рис. 4 (0 – отсутствие статуса, 1 – наличие статуса). По «ГоспрогСтанд» разница между бокс-плотами весьма существенная: медианные значения отстоят далеко друг от друга, а два срединных квартиля даже не пересекаются. По «МедиаСтанд» мы наблюдаем совсем иную картину: разница здесь тоже есть, но намного менее ощутимая.

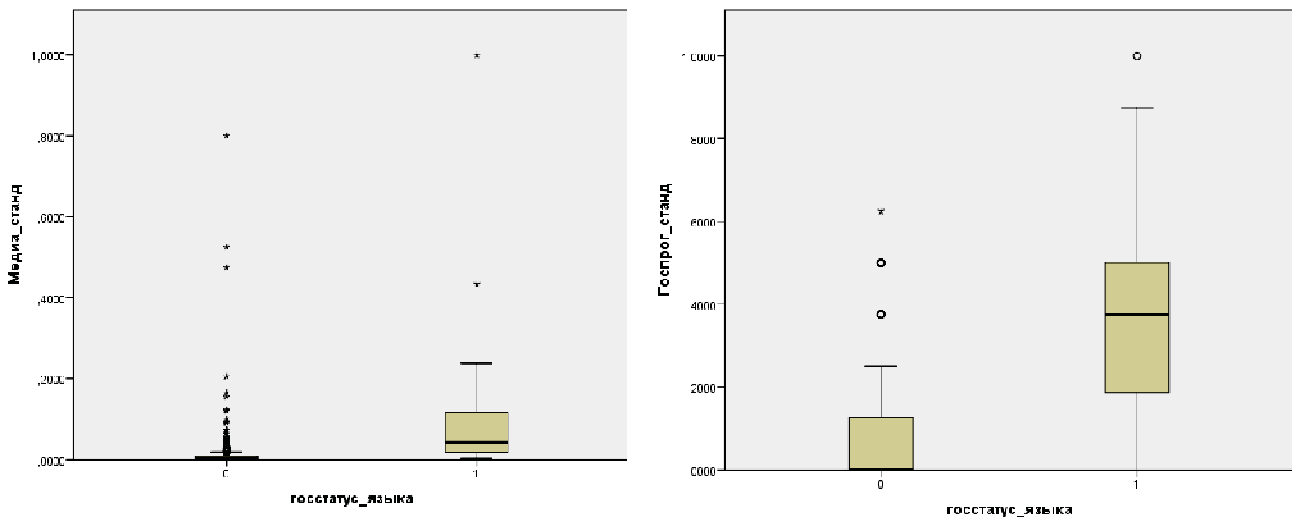

Рис. 4. Распределение значений «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд» в зависимости от статуса языка

Если дополнить регрессионные уравнения переменными, характеризующими взаимное влияние повесток (Модели 2 и 4), это заметно повышает объяснительный эффект, значение скорректированного R-квадрат увеличивается с 0,207 до 0,240 для публичной и с 0,374 до 0,400 для институциональной повестки. При этом и «ГоспрогСтанд», и «МедиаСтанд», соответственно, имеют весьма высокие коэффициенты, что соответствует гипотезе о том, что повестки влияют друг на друга.

Что касается воздействия формата локализации этнических меньшинств на присутствие «вопроса о языке» в публичной и институциональной повестках, значение коэффициентов этой переменной стабильно низкое. Тем не менее, предполагалось, что формат локализации может быть значимым контекстом (условием) силы воздействия демографических факторов. Чтобы проверить это предположение, в регрессионное уравнение была введена интерактивная переменная «Формат лок x Доля группы» (Модели 3 и 6). Это позволило обнаружить еще одно отличие между публичной и институциональной повестками. В то время как в Модели 6 значение регрессионного коэффициента интерактивной переменной низкое, в Модели 3 оно достаточно высокое и статистически значимое. Коэффициент имеет отрицательный знак, и это говорит о том, что, хотя сама по себе локализация этнического меньшинства не оказывает серьезного воздействия на публичную повестку, она влияет на силу эффекта переменной «Доля этнической группы»: чем меньше сегрегированность, то есть чем ближе локализация к совпадающему формату, тем сильнее воздействие доли меньшинства в населении региона на присутствие «вопроса о языке» в публичной повестке.

Достаточно любопытно сравнить список «выбросов» (по Моделям 2 и 4) - случаев, когда значения индексов «МедиаСтанд» и «ГоспрогСтанд» отклоняются от предсказанных более чем на 3 ст.откл.¹. В первом случае (публичная повестка) их всего 5: башкиры в Башкортостане, украинцы и татары в Москве, татары в Татарстане и татары в Челябинской области. Во втором (институциональная повестка) «выбросов» 12: татары в Башкортостане, буряты и сойоты в Бурятии, коми в Республике Коми, ненцы в Ненецком АО, башкиры в Свердловской области, чуваша, удмурты, мордва и марийцы в Татарстане, эвенки и эвены в Якутии. Обращает на себя внимание, что «выбросы» в публичной и в институциональной повестках разные, что еще раз свидетельствует о заметном расхождении между повестками. Кроме того, в обеих повестках все «выбросы» отклоняются в сторону преувеличения реальных значений над предсказанными, что говорит о повышенном внимании к языку этнических меньшинств. В ряде случаев это вполне объяснимо. Можно предположить, к примеру, что повышенное внимание к татарскому языку в публичной повестке Татарстана и к башкирскому – в публичной повестке Башкортостана вызвано резонансной дискуссией по поводу изучения этих языков в средней школе. Что касается необычно высокого внимания к татарскому языку в других регионах, это может быть связано с высокой публичной активностью татарских сообществ, которая имеет достаточно серьезную поддержку со стороны Татарстана. Что касается институциональной повестки, 3 случая из 12 – это титульные этнические группы, поддержке языка которых уделяется особое внима-

¹ Дополнительные регрессионные модели не представлены, поскольку исключение «выбросов» из выборки почти не влияет на результат.

ние в госпрограммах соответствующих субъектов РФ. Сразу несколько «выбросов» в Татарстане и в Якутии, видимо, связаны с тем, что именно в этих республиках ведется активная деятельность по поддержке языков меньшинств.

* * *

Таким образом, в результате исследования подтвердилось теоретическое предположение о том, что публичная и институциональная повестки связаны между собой. Но дело не только во взаимном влиянии, но и в том, что обе повестки формируются под сильным воздействием одних и тех же факторов, а именно демографических. Иными словами, более высокая численность этнического меньшинства, а также его доли в составе населения позитивно влияет на присутствие «вопроса о языке» этого меньшинства как в публичной, так и в институциональной повестках.

Вместе с тем, исследование показывает, что публичная и институциональная повестки отнюдь не идентичны. Между ними наблюдается достаточно серьезное расхождение. Так, если в публичной повестке присутствуют языки подавляющего большинства меньшинств, в институциональной – менее половины. Основная причина расхождений связана с таким фактором, как статус языка этнических меньшинств. Наличие у языка государственного статуса оказывает сильное влияние на его присутствие в институциональной повестке, органы власти уделяют этим языкам значительно больше внимания. Для публички, напротив, статус языка не имеет существенного значения.

Другой источник расхождений между публичной и институциональной повестками связан с локализацией этнических меньшинств в пространстве региона. Если меньшинство проживает обособленно от других этнических групп, язык этого меньшинства используется в социальных коммуникациях намного активнее, чем в тех случаях, когда локализация разных этнических групп в пространстве совпадает. В условиях совпадающего формата локализации «спрос на язык» падает, возникает ощущение, что язык умирает. Это транслируется в публичную повестку как проблема сохранения языка, и анализ показывает, что именно «смешанное» проживание этнических групп увеличивает эффект высокой доли этнического меньшинства в составе населения на внимание общественности к «вопросу о языке» этого меньшинства. Речь, однако, идет именно о публичной повестке, но не об институциональной. На решения, принимаемые органами власти субъектов РФ в сфере языковой политики, сколько-нибудь значимое влияние локализации этнических групп не прослеживается.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» № 18-011-00763 А. (рук. Н. В. Борисова).

Библиографический список

- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. Москва: Политическая энциклопедия. [Borisova, N. V. (2017) *When languages are on fire: contestation of language regimes as a challenge to the balance in inter-ethnic relations* [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyakh]. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ. (In Russ.)].
- Кушнер, П. И. (1951) *Этнические территории и этнические границы*. Москва: Издательство Академии наук СССР. [Kushner, P. I. (1951) *Ethnic territories and ethnic boundaries* [Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.)].
- Минаева, Э. Ю. (2017) «Территориальное изменение сегментации политического пространства на основе картографических проекций в ArcGIS» в *Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования*. Материалы Международной научной конференции. Пермь, сс. 44–48. [Minaeva, E. Yu. (2017) 'Territorial dimension of segmentation of political space on the basis of cartographic projections in ArcGIS' [Territorial'noe izmerenie segmentatsii politicheskogo prostranstva na osnove kartograficheskikh proektsii v ArcGIS] in: *Digital Humanities: resources, methods, and re-*

- search*. Proceedings of International scientific conference [Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii]. Perm, pp. 44–48. (In Russ.).
- Мухарьямов, Н. М., Мухарьямова Л. М. (2017) ‘Язык и политика в контекстах публичности’ в *Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований*. Политическая наука: Ежегодник 2017. Москва: Российская ассоциация политической науки, сс. 110–128. [Mukharyamov, N. M., Mukharyamova, L. M. (2017) ‘Language and politics in the context of publicity’ [Yazyk i politika v kontekstakh publichnosti] in: *Political reflection, theory and methodology of research. Political Science: Yearbook 2017* [Politicheskaya refleksiya, teoriya i metodologiya nauchnykh issledovaniy. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2017]. Moscow: Russian Association for Political Science Publ., pp. 110–128. (In Russ.).]
- Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (ed.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional’nye avtonomii, tselostnost’ gosudarstva i prava etnicheskikh men’shinstv]. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ. (In Russ.).]
- Тишков, В. А. (2019) ‘Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик)’, *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 127–144. [Tishkov, V. A. (2019) ‘Language situation and language policy in Russia (revising categories and practices)’ [Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategorii i praktik)], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 127–144. (In Russ.).]
- Alesina, A., Devleeschauwer, A., Easterly, W., Kurlat, S., Wacziarg, R. (2003) ‘Fractionalization’, *Journal of Economic Growth*, 8, pp. 155–194.
- Anderson, L. (2016) ‘Ethnofederalism and the Management of Ethnic Conflict: Assessing the Alternatives’, *Publius: The Journal of Federalism*, 1, pp. 1–24.
- Brubaker, R. (2013) ‘Language, Religion and the Politics of Difference’, *Nations and Nationalism*, 1, pp. 1–20.
- Cobb, R., Elder, C. (1972) *Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-Building*. Boston: Allyn and Bacon.
- Easton, D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley.
- O’Leary, B. (2001) ‘An Iron Law of Nationalism and Federation? A (Neo-Diceyan) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue’, *Nations and Nationalism*, 3, pp. 273–96.
- Weidmann, N., Rød, J., Cederman, L.-E. (2010) ‘Representing Ethnic Groups in Space: A New Dataset’, *Journal of Peace Research*, 4, pp. 491–499.
- Wucherpennig, J., Weidmann, N., Girardin, L., Cederman, L.-E., Wimmer, A. (2011) ‘Politically Relevant Ethnic Groups across Space and Time: Introducing the GeoEPR Dataset’, *Conflict Management and Peace Science*, 5, pp. 423–437.

Информация об авторе

Панов Петр Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

**'LANGUAGE QUESTION' ON THE PUBLIC AND INSTITUTIONAL AGENDAS:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUISTIC MINORITIES IN THE REGIONS OF RUSSIA**

P. V. Panov

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract

In multi-ethnic societies, the 'question of language' is a subject of heated debate. The article aims to determine to what extent public and institutional agendas on the 'question of language' of ethnic minorities in the regions of the Russian Federation are in accord or in disaccord with each other, and what are the reasons for that. The study, based on the 'Language policy in multi-ethnic regions of the Russian Federation' database, confirms a theoretical proposition that the interdependence between the presence of the 'question of language' on the public and institutional agendas is due to the fact that they influence each other. In addition, both agendas are formed under a strong influence of the same factors, namely demographic. The higher number of the ethnic minority, as well as its share in the population, has a positive effect on the presence of the 'question of language' on both public and institutional agendas. At the same time, there is an important discrepancy between the public and institutional agendas. The main reason is related to the status of the language of an ethnic minority. The official status of the language has a strong influence on its presence on the institutional agenda, whereas for the public agenda, the status of the language is not significant.

Keywords: language; ethnicity; minorities; language policy; public agenda; institutional agenda.